

У судьбы один должник

САША МЕЛЬЦЕР

Тёмные тропы

Саша Мельцер

У судьбы один должник

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельцер С.

У судьбы один должник / С. Мельцер — «Издательство АСТ»,
2026 — (Тёмные тропы)

ISBN 978-5-17-188820-6

После смерти капитана прошел год, и команда «Наттенс Спилль» пытается начать все заново. Пережив утрату, конфликты и расследование, игроки стараются стать семьей. Все рушится, когда один из членов команды исчезает, а в «Наттенс Спилль» появляется загадочный новичок. С каждым днем возникает все больше вопросов, а странные совпадения заставляют игроков усомниться: действительно ли игра подчиняется их правилам или кто-то другой дергает за нити судьбы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-188820-6

© Мельцер С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Разминка	8
Часть первая	10
Сет первый	11
Сет второй	15
Сет третий	20
Сет четвертый	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Саша Мельцер

У судьбы один должник

© Саша Мельцер, текст, 2027
© lewisite, иллюстрация на обложке, 2027
© JoN-T, внутренние иллюстрации, 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

САША МЕЛЬЦЕР

У судьбы один должник

Плейлист

pyrokinesis – отказываю небу
pyrokinesis и три дня дождя – негативное мышление
pyrokinesis – легенда о божестве смерти
pyrokinesis – я приду к тебе с клубникой в декабре
pyrokinesis – море волнуется два

Разминка

*«Когда на площадку выходит тень,
начинается самая опасная игра»*

Кроссовки скрипят по потрепанному винилу, пока мы обегает зал, разминаясь. Мышцы тянет – финальная игра отборочного этапа закончилась, но нам не дали даже выдохнуть, Эдегар сразу пригнал на площадку. После второго места в прошлом году в этом сезоне мы не блистаем – болтаемся в середине турнирной таблицы, каждый раз чудом перебираемся в следующий этап и пытаемся собраться. Но сейчас Мадлен лениво зевает, Бьерн, судя по его лицу, витает где-то далеко, а я уже дважды запнулся о собственную ногу.

Свисток тренера вырывает из мыслей и вынуждает повернуться к нему. В зале холодно – по рукам бегут мурашки, и, хотя все окна закрыты, все равно бросает в дрожь. Неприятно пахнет резиной, но я не могу понять отчего. Замечает ли это кто-то кроме меня? Судя по разгоряченным щекам Эрлена, ему скорее жарко, нежели его кусает мороз.

– Все, что вам нужно, – это собраться и вспомнить, какие вы настоящие. Как вы умеете вырывать победу зубами, когда нужно.

Не знаю, осталось ли что-то от нас прежних.

– Да, тренер, – отвечаем мы нестройно, пока он пытается подбодрить нас из последних сил. Два дня назад мы кое-как победили, а вот на прошлой неделе нас бескомпромиссно раскатал по площадке «Хеймдалль вакт».

Мы все устали, и я не понимаю, зачем вообще каждый из нас пришел на тренировку.

«Норне», наверное, уже почти целиком спит. Зимой вечера ранние, темень быстро опускается на академию, и сейчас ее прорезает только свет из окон нашего спортивного зала.

– Передайте Фьеру, если он и завтра не придет – может искать себе другую команду, – устало объявляет Эдегар. – Все свободны.

У него явно на языке крутится какое-нибудь крепкое словцо, которое он проглатывает вместе с горечью наших поражений. Ощущение, что еще немного – и он бросит нас тренировать, списав в утиль. Останутся за спиной и прошлые успехи, и выигранный чемпионат, и серебро студенческой лиги за минувший год. Иногда кажется, что эти медали можно забросить на дальнюю полку, а о кубке в трофейном зале забыть навсегда, зная, что такого мы больше не получим.

Мы остаемся впятером, когда уходит тренер и стягиваются в раздевалку запасные. Бьерн вяло набивает мяч, Мадлен присаживается на скамейку, вытягивая ноги. Он тоже ежится. Сандре подносит руку к окнам, словно проверяя: дует из щелей или нет? Судя по тому, как пожимает плечами, с окнами все хорошо.

– Помните, какой сегодня день?

– Такое не забывается, – отвечаю тихо.

Сегодня год, как нет Юстаса.

Год, как все списали на несчастный случай.

Год, как на моих руках кровь.

– Иногда мне кажется, что он вот-вот зайдет в зал, – негромко говорит Мадлен и ежится уже наверняка от этого. Никто бы не хотел, чтобы Юстас был здесь, но ощущение его незримого присутствия до сих пор не оставляет нас.

– Никогда уже не зайдет. К черту, не будем вспоминать. – Бьерн со всей дури швыряет мяч, тот ударяется о стену и отлетает с грохотом. Я вздрагиваю от резкого звука, хотя ожидал этого.

Сандре сочувственно хлопает меня по плечу. Никто не знает правды, и я сам не могу разобраться, легче мне от этого или нет. Может, мне и хотелось бы закричать на весь мир, чтобы снять с себя бремя вины, но я молчу. Молчу, потому что боюсь, потому что слаб, потому что все уверены в несчастном случае, и я не готов развеивать этот миф. Я слабо улыбаюсь капитану и предлагаю:

– Пойду соберу мячи.

Бьерн шутит что-то о великой щедрости, и Мадлен утягивает его побыстрее, пока я не передумал. Сандре уточняет, не нужна ли мне помощь, но я точно знаю, что это из вежливости. Усталость оставляет на его лице мягкий отпечаток, а движения выглядят рваными.

Остаюсь один на один с холодом и воспоминаниями, когда за капитаном захлопывается дверь. Мне нужна передышка – я устаю от компании друзей так же быстро, как и от матчей в последнее время. Нам больше не помогают норны, мы падем на износ, но все равно не становимся лучше неуверенных середнячков.

Пробивается сквозняк, который скользит по коже, чуть покусывая ее, – по рукам так же, как и у Мадлена, бегут мурашки. И это поторапливает меня – я спешу сложить мячи в кладовку, но что-то щелкает сзади, и в тишине зала звук пронзительно громкий. Я вздрагиваю, а потом спиной чувствую тот могильный холод, который не ощущал уже одиннадцать месяцев.

Я даже успел забыть, *как именно* он ощущается.

«Берегись», – шепчет он, забираясь точно мне в самую душу. Я слабо дрожу. Он точно не касается меня, но воображение услужливо подбрасывает то, как он кладет руку мне на плечо, как сжимает его и вынуждает развернуться. Я закрываю глаза, боясь встретиться с ледяным взглядом некогда друга, товарища, *капитана*.

– Ты не оставишь меня в покое? – бормочу я, сжимая руки в кулаки.

– Я собираюсь тебя спасти.

Часть первая

Подача в неизвестность

Сет первый

Он исчез одиннадцать месяцев назад.

Одиннадцать месяцев я не прислушивался к шорохам в комнате, не скользил испуганным взглядом по стенам, не пытался в одиночестве обнаружить чье-то дыхание рядом и не всматривался в темноту.

Я больше не искал его в книжках, не пытался понять, почему он мучит меня, и не просил оставить в покое.

Одиннадцать месяцев я жил, пытался дышать полной грудью, учиться и играть. Ровно до того момента, как он не появился в спортивном зале – такой, будто никуда не пропадал.

Сидя в библиотеке, я закрываю глаза и снова представляю Юстаса. Мне мерещится, что он сидит рядом со мной, и я даже боюсь гадать, зачем он пришел опять. «*Спаси тебя*», – звучало из его уст наигранно и фальшиво. Или я просто не мог поверить в то, что он это говорит?

– Лучше бы ты оставил меня в покое, – бормочу я, не отрываясь от учебника. Я смотрю в него, но не вижу ни единой буквы – мои мысли где-то далеко, точно не здесь. Они заняты Юстасом и проигрышем, я думаю о Верданди, и ожог от нити на запястье начинает по-настоящему гореть. Потерев его, чтобы избавиться от мучительных ощущений, я прикрываю глаза. Мелькают воспоминания, но они смазанные, ни одно из них я не могу поймать. Юстас, ритуал, Верданди, детектив... Все смешивается в калейдоскоп из черно-белых стекляшек – цветному там не место, – и я с трудом привожу себя в чувство.

– Он умер. Все закончилось, – говорю сам себе так уверенно, словно могу в это поверить. Но он стоял передо мной несколько дней назад – снова как живой, но уже не пугающий. Все такой же холодный – с кладбищенским дыханием.

«*Кто-нибудь видел Фьера?*»

Сообщение приходит в общий чат, вырывая меня из мыслей, но я, зевая, продолжаю листать в руках бесполезный сегодня учебник по теории норвежской литературы. У нас только закончилась сессия, но преподаватели в этом году не давали плавно втянуться – заваливали домашними заданиями сразу. У меня в ежедневнике было записано: два теста, три эссе и четыре небольших научных доклада, которые я не представляю, когда успею сделать. Почти погребенный под грудой дел, я листаю страницы одну за другой, не вчитываясь в текст.

Преподаватели говорили, что после смерти Юстаса я стал рассеянным, но на самом деле я никогда и не был другим – просто раньше мне удавалось удачно цеплять маску прилежного студента, а после на это не хватало сил.

Буквы плывут перед глазами, но я гляжу на телефон – жду, пока кто-нибудь ответит на вопрос Эдегара. Однако в чате сплошное молчание, будто он вымер, хотя на самом деле все в сети.

«Ну?» – нетерпеливо печатает тренер.

Я вздыхаю и отписываюсь, что не слышал о нем уже несколько дней.

Фьер исчез с радаров после матча с «Норск Фарт»¹, где мы чудом выцарапали победу. Мы вернулись в «Норне», а на вечерней тренировке его уже не было. Мы так и не сблизились толком после случившегося, хотя между всеми нами лед тронулся. Только Фьер оставался той нерешенной задачкой, которую все преподаватели ставят в конце, а у ее номера рисуют звездочку – продвинутый уровень.

Он заходит в сеть, но не читает наши сообщения. Мадлен жаловался, что у него горит одна галочка с конца последней игры. Мы даже предположить не можем, куда он делся. Бьерн, кажется, пытался найти его в комнате, но просто обил пороги закрытой двери.

«Он не отвечает на сообщения», – пишет Мадлен.

«И в комнате его нет», – добавляет Бьерн.

«Надо идти к руководству, – решительно отмечает Сандре. – Эрлен, может, ты знаешь хоть что-нибудь? Вы вроде близко общаетесь»

«Он не планировал уезжать», – отвечает Эрлен тут же, словно все это время держал телефон в руках. – Но его собирался навестить отец».

Неприятная фигура – его отец. Я помню, как Фьер рассказывал о нем, напившись в сарайчике для ракеток у теннисного корта, и ничего приятного в моей голове не всплывает. На сегодня окончательно теряю интерес к учебе – в конце концов, если у меня спортивная стипендия, не полагаются ли мне поблажки?

Солнце только недавно перешло в зенит, но в библиотеке уже пусто. После обеда «Норне» будто ине живет, зато всеми оттенками красок играет общежитие – стоит мне пройти по переходу, как я словно попадаю на оживленную улицу Драммена. На подоконниках ребята играют в настольные игры и, активно жестикулируя, спорят о чем-то – точно не могу разобрать; у автомата стоит мой однокурсник и пытается достать злаковый батончик с бананом; на кожаном диванчике в углу парень с направления правоведов читает книжку. Кажется, когда-то он учился с Юстасом, и он кивает мне в знак приветствия. Я кратко улыбаюсь в ответ и перебегаю в наше крыло.

Мы сталкиваемся на лестнице. Он быстро спускается по ступенькам, поправляя ворот рубашки, и я машу ему в знак приветствия.

– Немного тороплюсь. – Он улыбается. – Что-то срочное?

– Я насчет Фьера...

– Я как раз иду к руководству. Эдегар попросил выяснить, в чем дело. Нам скоро выезжать на новый матч, а он не может дозвониться ни до Фьера, ни до его отца, ни до куратора. Чертова метель, видимо, какие-то проблемы со связью.

– Составлю тебе компанию.

Он не противится, и мы вместе переходим обратно в «Норне». Как только общежитие остается позади, нас окружает тишина. Прямые коридоры академии выглядят жутковатыми – то и дело готовлюсь к тому, что из-за поворота вынырнет тень, посмотрит глазами Юстаса и хищно улыбнется. Но никого нет, только наши шаги разносятся эхом. На красном кирпиче иногда играют отблески ламп, из-за них мерещатся причудливые силуэты. Стараюсь сконцентрироваться на спине Сандре, который уверенно идет чуть впереди – у него быстрый шаг, а я слишком устал, чтобы пытаться его нагнать.

¹ *Norsk Fart* (с норвеж.) – «Норвежская сила».

Мы спускаемся на первый этаж, и я с любовью оглядываюсь на фонтанчик Урд. Норна – взрослая, мудрая, по-настоящему существующая, смотрит на меня в ответ чересчур пристально. Я не выдерживаю тяжелого взгляда статуи и отворачиваюсь.

– Ты в порядке? – удивляется Сандре, дернув меня за рукав темно-изумрудного пиджака.

– В полном, – киваю и улыбаюсь для убедительности. Сандре вглядывается мне в глаза, но я стоически выдерживаю это.

На первом этаже тепло и светло, несмотря на пустоту вокруг, поэтому я успокаиваюсь. То ли большое пространство, где теням негде спрятаться, так сказывается, то ли плеск воды в фонтаничке Урд, не знаю. Но я перестаю лихорадочно оглядываться и бояться зайти за поворот.

– Надеюсь, кураторы еще не ушли.

Их рабочий день до шести. На часах – пять сорок пять, и у нас есть все шансы успеть, если только на кафедре самовольно не решили закончить чуть раньше.

Я редко бывал в крыле, где учится Фьер, и уж тем более не заходил в коридоры к их преподавателям. Здесь тот же красный кирпич, но на стенах висят гобелены с разными сюжетами: вот Рагнарек; вот Тор сражается с великанами, используя молот; вот Локи приковывают к скале; а вот Видар, убивающий Фенрира.

Взгляд невольно останавливается на этом гобелене, и я долго всматриваюсь в сюжет, чуть не потеряв из вида Сандре. Барельеф Видара висит еще в кабинете по норвежской словесности, где я регулярно бывал в прошлом году, но после успешного экзамена – ни разу. Для меня он непохож на других богов, но я и сам толком не могу ответить на вопрос почему.

– Почти пришли. – Сандре ускоряется, и я почти бегом догоняю его только у нужной двери.

Повернув, мы нос к носу сталкиваемся с невысокой девушкой – на вид ей не больше двадцати, а половину лица скрывают большие очки в черной пластиковой оправе. Она немного комична, но при этом мила. Прямо на наших глазах она захлопывает дверь кафедры и вставляет ключ в скважину.

– Извините! – восклицает Сандре, упершись ладонью в дверной косяк. – Нам очень нужна помощь!

– Рабочий день окончен, – ее звонкий голос звучит флегматично. Так, словно его обладательница точно не пойдет нам навстречу. – Давайте завтра.

Я тянусь за телефоном и хочу показать ей время, обозначив, что у нее еще десять рабочих минут как минимум, но Сандре, точно предугадав мои действия, кладет руку мне на предплечье и вынуждает успокоиться. Капитан очаровательно улыбается – так ослепительно, словно хочет озарить половину Скандинавии. Я пытаюсь так же, но у меня получается настолько криво, что я снова принимаю невозмутимый вид.

– Пожалуйста, – с мягким нажимом произносит Сандре. – Нам очень нужно. Вопрос жизни и смерти. Ну, почти.

Девушка смотрит на него из-под очков так пристально, будто хочет в нутро заглянуть, а потом неожиданно расслабляется, и улыбка появляется на тонких губах.

– Прямо-таки жизни и смерти? – хихикает она. Это что, флирт?

Я отшатываюсь, задумчиво чешу запястье, чувствуя себя лишним, и делаю пару шагов назад. Сандре – точно ловелас под окнами избранницы – ухмыляется и заигрывает, а она явно уже купилась на это.

– Именно, – Сандре понижает тон. – Пожалуйста. Мы были бы вам так благодарны.

Она вздыхает, поправляет сумку на плече и все-таки открывает кафедру. Они скрываются там, меня же капитан практически выталкивает назад и захлопывает дверь прямо перед носом. Я остаюсь в коридоре один – раздраженный и брошенный.

Их долго нет – я прижимаюсь ухом к щели в двери, но оттуда ни звука не доносится. Разве что ножки стула разок скрипят по полу, словно его резко отодвигают. Я устаю подслушивать и отхожу, но лавочек вокруг нет, поэтому просто подпираю стену и надеюсь, что Сандре скоро выйдет. В коридоре светло и тепло, а оттого совсем нестрашно, хотя и пустынно. Я на одиннадцать месяцев забыл, каково это – бояться любой неудачной игры теней, и не хотел бы вспоминать.

Мысли утягивают меня: был это морок или просто больное воображение, померещилось мне или Юстас действительно вернулся? Я одновременно хочу и не хочу видеть его снова – мне нужно только убедиться, реален он или нет. Может, я все-таки сошел с ума и произошедшее – бред?

Резкий хлопок возвращает меня в реальность, и я словно вынырываю из ледяной пучины, почти утянувшей меня на дно.

Сандре мрачный. Он прикрывает за собой дверь, нервно треплет волосы, а потом недоуменно смотрит на меня.

– Фьер говорил тебе что-то о том, что собирается уезжать?

– Нет... – Я гляжу на него не менее растерянно. – У нас же тренировки, учеба... Он экзамены успешно сдал...

Мы медленно отходим от кафедры, эхо шагов снова раздается по коридору. За нашими спинами работница закрывает дверь, но нам уже неинтересно – ускорившись, мы выходим из крыла и снова оказываемся у фонтана в холле. Лампы чуть приглушили, и теперь света не так много, как было по пути сюда. Теней стало больше, и я ловлю себя на мысли, что боюсь оказаться в полной темноте.

– Плохо. – Сандре качает головой. – Может, случилось чего?

– До отца, ты говорил, Эдегар не дозвонился. Странно это все.

«Плохо», – правильно говорит капитан. Преследует чувство, что все творящееся со мной в последние пару дней действительно не приведет ни к чему хорошему.

Сет второй

От Фьера нет вестей ни через день, ни через два, ни через три, и мы теряем надежду узнать что-то о его стремительном отъезде. Все кажется фальшивым и неправильным – с чего бы ему так резко бросать нас? Ради чего? Вряд ли ради образования: «Норне» – одна из лучших академий во всей Норвегии. Вряд ли из-за команды – мы заняли второе место и сейчас не были в числе последних. Может, из-за семьи?

Я устаю перебирать варианты, которые, словно подключенные к вечному двигателю, крутятся у меня в голове. Всех заботит не столько судьба Фьера, сколько игра с «Полар Линкс», которая ждет нас через несколько дней. Вот-вот решится судьба плей-офф, и по-хорошему нам стоит царапаться за все очки, за которые мы только можем, но отъезд Фьера сбивает нас с рельсов.

– Пахнет... – Бьерн заминается, точно пытается подобрать цензурные слова.

– Подставой, – приходит ему на помощь Мадлен, потянувшись.

После прошлого года мы сплотились, и теперь у нас есть традиция – каждый четверг мы обедаем вместе между лекциями. Я прибежал после семантики, которая идет уже третий семестр, а я ее по-прежнему ненавижу. Голова кипит – от разбора слов, фраз и предложений, от монотонного бубнежа преподавателя, который больше усыпляет, нежели располагает к работе. Отчаянно зевнув, я падаю рядом с Мадленом и сразу беру с подноса морковный салат с семгой, запускаю в него вилку, а потом довольно отправляю в рот.

– Как ты можешь есть в такой ситуации?

Я немного краснею, когда Мадлен рядом недовольно бормочет на французском *oh, gods*, а потом закатывает глаза. Морковь с майонезным соусом встает где-то в горле, но я быстро сглатываю и запиваю ароматным чаем с клюквой.

– Он все равно не вернется, – отмахивается Сандре. – Эрлен, неужели ты правда был...

– Не в курсе, – тихо, но очень твердо говорит он. – Я даже не понял, когда он съехал из комнаты и забрал вещи. Может, во время одной из тренировок...

– У нас на носу очень важная игра! – Мадлен откидывается на пластиковую спинку стула, легко отталкивается от пола и покачивается. Еще немного, и ножки с неприятным скрипом проедутся по кафелю и француз просто шлепнется. – Кого мы поставим вместо Фьера?

– У нас есть запасные? – предполагаю я, хотя и сам знаю, какую глупость говорю. Кажется, в «Норне» огромный дефицит игроков. Наши запасные сидят на лавке, потому что такой регламент. Они достаточно редко выходят на поле, неохотно тренируются и вообще, мне кажется, присутствуют на матчах, только потому что преподаватель по физкультуре учитывает их спортивные достижения и закрывает глаза на пропуски пар.

– Да, и кого мы поставим? Лукаса? Или, может, Хенрика? – Мадлен хмыкает. – Можно тогда вообще не выходить!

– Можно и не выходить, – нараспев тянет Бьерн, явно забавляясь. – Правда что, зачем? Кроме Фьера, в команде и играть-то никто не умеет! Все, наколенники на стену, кроссовки на полку.

Сандре смеется, но пытается это скрыть, уткнувшись в стакан с соком. Я тоже поджимаю губы, видя, как обиженно вытягивается лицо Мадлена. Он вот-вот зашипит на Бьерна, как змея, но в итоге просто пинает его стул так, что тот чуть не падает и залиvisto хохочет от этого. Мы все смеемся в голос, и на нас оборачиваются те, кто сидят рядом. Я чуть тушуюсь, жду, пока стихнет прилив неконтролируемого веселья, и возвращаюсь к салату. Принимать решение все равно Эдегару, а мы сейчас ничего не можем: ни научить запасных играть лучше, ни вернуть Фьера в команду, ни по щелчку пальцев найти нового игрока.

Краем глаза замечаю, что в углу столовой мелькает тень, но, когда резко разворачиваюсь всем корпусом, она исчезает. Я мысленно молюсь, чтобы мне померещилось, чтобы это оказалось просто игрой воображения или кем-то, кто стоял в углу и внезапно решил уйти. Наверное, я заметно бледнею, потому что Сандре взволнованно трогает меня за плечо и чуть трясет.

– Кто там? Кто-то знакомый?

«Да! – хочется закричать мне. – Наш общий знакомый! Такой знакомый, что аж тошно!» Но я молчу, просто порывисто киваю и перевожу взгляд на стол, стараясь даже боковым зрением не смотреть по сторонам.

– Показалось, наверное. – Чуть дергаю плечом, намекая, что неплохо было бы убрать руку. Сандре покорно перекладывает ладонь себе на колено, точно считав подтекст. – Ничего серьезного. Так вот, как там норвежское право? Ты говорил, что вам предстоит серьезная научная работа...

Обед заканчивается быстро – мне удастся перевести тему в другое русло, поэтому я долго слушаю о законодательной системе Норвегии. Сандре и Бьерн – правоведы, учатся вместе, поэтому наперебой рассказывают о новой сложной дисциплине. Как бы я ни заставлял себя опускать глаза, все равно невольно возвращаюсь взглядом к тому углу, где была тень. Он или кто-то другой? Юстас или, может, Верданди? Кто опять пришел по мою душу?

– Встретимся на тренировке! – машет Мадлен и теряется в толпе зеленых пиджаков, следом за ним исчезает Бьерн, но не столь незаметно – все-таки он высокий, и его бритая макушка виднеется и на другом конце коридора.

– До скорого! – прощаюсь я с улыбкой, а потом гляжу на Сандре. – У тебя еще пары?

– Нет, я закончил на сегодня.

– И я. Предлагаю перед тренировкой отдохнуть.

Окно между парами и тренировкой выпадает нечасто. На третьем курсе нагрузка выше, чем была в прошлом году, не все занятия стоят удобно, и четверг – мой любимый день, потому что есть промежуток в пару часов на то, чтобы прийти в себя, а не нестись в спортивный зал.

В середине прошлого семестра я переехал к Сандре, будучи больше не в силах оставаться в своей комнате. Сразу стало веселее и теплее – капитан бодро пытался вернуть меня к жизни после пары недель, проведенных в больничной палате, и ему это удавалось мастерски. Мы смотрели кино и перекусывали снеками, изучали статистику противников и придумывали новые стратегии для нас. Я практически забыл о Юстасе, который за месяц стал неотъемлемой, жестокой и выпивающей из меня все силы частью жизни; о норнах и ритуалах. С Сандре жить было просто: он тихий сосед, в меру болтливый и молчаливый тоже в меру. Мы быстро притерлись друг к другу, поделили ванную, я смирился с его ранними подъемами, а он – с часовыми приемами душа по вечерам.

«Ты ожил, дорогой! Такой бодрый голос!» – сказала мне мама по телефону, когда они поймали связь в одной из экспедиций.

Я правда ожил, а теперь чертовски боялся задохнуться в пучине.

– ...в тумбочке, кстати, осталось печенье! – вещает Сандре, и я вынырываю из мыслей, понимая, что не уловил начало его фразы. Мы только пообедали, но я бы с радостью заел морковный салат десертом. – Ты собираешься куда-то на День матери? Или твои все еще в экспедиции?

– Ага, – отзываюсь я нехотя. – Опять где-то исследуют фьорды и движения тектонических плит. Вернутся не раньше мая. А на День матери, наверное, останусь в академии.

– Нора больше не зовет?

«Норы больше нет, – думаю. – Той Норы больше нет»

– Мы почти не общаемся, – вру я. На самом деле мы вообще не общаемся. Мое последнее письмо так и осталось непрочитанным. Говорят, она не выдержала смерти сына и уехала далеко – то ли в Нидерланды, то ли в Данию, то ли вообще поближе к югу, на греческий полуостров. Слухи ходят разные, но я не привык им доверять.

Сандре своим ключом открывает дверь, я захожу следом и падаю на незаправленную кровать, даже не потрудившись снять пиджак. Только ботинки сбрасываю, чтобы с ногами забраться в теплую – батареи греют хорошо – постель. До тренировки хочу заснуть, но Сандре включает видео на телефоне на полную громкость – его дурацкая привычка не пользоваться наушниками иногда мешает жить, мне вовсе не интересно смотреть тысячу волейбольных матчей или очередной детективный сериал.

– Может, нам стоило сходить на кладбище? – сам того не ожидая, спрашиваю я. Сандре нажимает на паузу и поворачивает ко мне голову.

– Зачем?

– Ну, годовщина. Мы не были с похорон...

– Не думаю, что это хорошая...

Но я его перебиваю:

– А вдруг он злится, что мы не почтили память?

В голове рождаются самые глупые варианты из-за встречи с тенью в спортивном зале. Мне правда кажется, что я брежу, как бредят люди в алкогольной горячке или с температурой сорок, – но все настолько реалистично, что я снова ловлю себя на мысли о страхе быть пойманным. Все-таки моя тайна – наша с Юстасом тайна – похоронена вместе с ним под землей и в моем сердце. Только в моем.

– Вильгельм, что происходит? – Сандре совсем убирает телефон и сосредотачивается на мне. Я чуть морщусь от его пристального внимания и переворачиваюсь на спину, чтобы не сталкиваться взглядами. Теперь он смотрит на меня, а я – бесцельно в потолок.

– Просто некрасиво, – отмахиваюсь, – словно мы забыли о нем. Но мы ведь помним.

– А стоило бы забыть, – голос Сандре звучит немного безжалостно. – Прошел год с его смерти. Надо отпустить.

А как отпустить, если он преследует меня? Снова ходит по пятам, как охотник, который выслеживает добычу и вот-вот занесет ружье и взведет курок? С трудом проглатываю слова о том, что он был нашим другом, – другом он точно не был, по крайней мере не для остальных. Я склонен искать только положительные стороны, немного романтизировать и быстро забывать о плохом.

– Надо, но... Съезди со мной.

– Ты правда этого хочешь? – Он тяжело вздыхает, и я прекрасно понимаю, что ему не хочется тащиться на кладбище.

– В следующие выходные. Эдегар сможет нас отпросить.

– Соберемся вместе. Командой. Если уж ехать, то всем.

– Хорошо, – я безропотно соглашаюсь и сажусь на кровати. – Ты действительно настоящий друг. И лучший капитан, чем он.

Сандре сияет и белозубо улыбается, я тоже облегченно выдыхаю – получается сгладить неожиданно повисшее напряжение. Он выходит умыться перед тренировкой, я выскальзываю из комнаты чуть раньше – захотелось улизнуть и проветриться до того, как снова окажусь на виду у всей команды.

Блуждаю и в своих мыслях, и по коридору, поэтому прихожу одним из последних – Мадлен уже полностью в форме и натягивает наколенники, Бьерн у окна пьет воду из многогранной пластиковой бутылки, Сандре завязывает волосы в хвост. В последнее время они отросли у него чуть сильнее, и теперь он всегда так делает, чтобы они не мешали на играх или тренировках. Я свои просто заправляю за уши, но кудри непослушно топорщатся и уже в середине занятия липнут, мокрые от пота, ко лбу и шее.

Шкафчик Фьера пустует – в нем валяется только тренировочная майка, которую он забыл перед выездом на прошлую игру. Она кажется единственной частичкой, которая от него осталась: почему-то я не сомневаюсь, что Фьера мы больше не увидим.

Когда выходим в зал, сразу замечаем, насколько Эдегар мрачный. Он даже не видит поначалу, что мы пришли, – сидит на скамейке и задумчиво горбится над магнитной доской, на которой обычно маркером рисует стратегии или просто показывает сильные позиции соперников.

– Тренер? – подает голос Сандре.

Он поднимает голову.

– Разминайтесь.

Я отхожу чуть поодаль, начинаю разогревать мышцы. Мы все рассредотачиваемся по большой площадке, чтобы не мешать друг другу, а потом по команде Сандре бежим вокруг, чтобы в кардио разогнать кровь.

– Извините! – неожиданно доносится со стороны двери, но в голосе, который до нас долетает, не слышится ни сожаления, ни просто неловкости.

Бьерн не успевает затормозить и врывается в мою спину, а потом забавно посмеивается и невинно просит прощения. Я отмахиваюсь – что с него взять? – и с любопытством поднимаю голову. В дверях стоит юноша – в спортивной форме, в шортах до колен и свободной белой футболке. На ногах у него наколенники, а в руках полная бутылка воды.

– Я бы хотел играть в команде, – без лишней прелюдий начинает он. – В прошлом сезоне я играл за «Хеймдалль Вакт».

Мы переглядываемся. Я не помню такого игрока – у него светлые, почти белые волосы, голубые полупрозрачные глаза и кожа такая, словно стоит только притронуться к ней – и на месте останется синяк. Эдегар тоже смотрит на него оценивающе, секунд тридцать переваривает информацию, а потом неожиданно улыбается. И это его едва ли не первая улыбка за последние несколько тренировок.

– Покажешь, на что способен?

Эдегар кидает мяч в руки вошедшему, и он грациозно ловит его. А потом подкидывает и в прыжке, смахивающем на кошачий, подает так, что мяч с силой ударяется четко о центр противоположной площадки. Бьерн присвистывает.

– Нехило.

Я киваю – и правда, хороший удар.

– Амплуа? – уточняет тренер.

– Доигровщик.

«Как и Фьер», – мельком думаю я и понимаю, как же вовремя этот игрок решил покинуть ряды «Хеймдалль Вакт». Он выглядит дружелюбно, улыбается нам и Эдегару.

– А имя?

– Видар Хольберг.

– Тогда добро пожаловать в команду, Видар. Скоро у нас игра, и нам очень нужен доигровщик.

Сет третий

Новенький незаметно вливается в коллектив – он бежит с нами так, как будто бегал всегда, и никто не напрягается от его присутствия. По телу бежит холодок от сквозняка – окно приоткрыто, чтобы мы не задохнулись от духоты, а дверь Видар за собой не закрыл, поэтому по ногам тянет. Разминка заканчивается быстро – свисток тренера разрезает тишину в зале, которую нарушает помимо него только легкий топот наших ног. Морщусь от звука и слишком резко останавливаюсь – Бьерн влетает мне в спину, ругается, чертыхаясь, а потом легко треплет по волосам.

– Аккуратнее, кудряш.

– Перестань, – ворчу я, но совсем без злости, и даже терплю, когда он треплет меня по волосам, словно доказывая, что имеет полное право называть меня так. – Ты сегодня гипер-активный.

– Разогреваюсь перед игрой, – сообщает он, разминая плечи так, будто за спиной у него вот-вот прорежутся крылья. – Нам же нужно порвать «Полар Линкс».

– Это ты погорячился, – хмыкает Мадлен, – хоть из штанов выпрыгни, они переманили центрального блокирующего из команды университета Осло.

Мадлен знает все и обо всех – всегда. Он мониторит новости, общается в социальных сетях, а в последнее время начал вести блог. Иногда мне кажется, что отлипает от телефона он только в момент, когда тренируется или спит. Но зато вместе с ним мы просвещаемся – тот центральный блокирующий, о котором он говорит, в конце прошлого сезона стал лучшим игроком сезона, поэтому против «Полар Линкс» у нас теперь действительно шансов маловато.

– Мы тоже усилились! – возражает Бьерн и тянется, чтобы потрепать новенького по волосам, как и меня пять минут назад, но тот ловко уворачивается. Он делает это так изящно и почти шутя, что я невольно завидую этой кошачьей грации.

– Надо сначала сыграть, – мягко отшивает он, явно желая держаться чуть на расстоянии. Бьерн – таран, он нахрапом знакомится, нахрапом играет, нахрапом живет. И такая модель поведения Видару точно непривычна. Он становится поближе ко мне, и я ощущаю себя неуютно. Из окна снова этот чертов сквозняк.

– Закрой окно лучше! – Я машу рукой в нужную сторону. Бьерн, как самый высокий, может достать до рамы и без скамейки.

Пока он выполняет просьбу – на удивление, не отпустив ни единого комментария, – тренер, закончив рисовать что-то на маркерной доске, выстраивает нас в шеренгу. Я кажусь себе совсем маленьким между Бьерном и Видаром – они оба выше меня чуть больше чем на полголовы.

– Перед нами стоит сложная задача. Верно подметил Мадлен – «Полар Линкс» усилились, а вы знаете, что они и в прошлом сезоне были неслабыми. Но нам нужна эта победа, ребят. – Эдегар мягко, по-отечески улыбается. Как будто мы сами не знаем, что нам очень нужна эта победа. – У нас не много времени, чтобы сыграть. Доставайте мячи, я введу Видара в курс дела.

Тренер уводит новенького чуть в сторону и начинает что-то объяснять ему на маркерной доске. Я слежу за ними взглядом – белые волосы лежат один к одному, они совсем не растрепались после разминки, а взгляд холодных голубых глаз растерянно скользит по залу и смотрит куда угодно, но только не на доску. Слышит ли он Эдегара? Вникает ли в нашу стратегию? Мы неожиданно сталкиваемся взглядами, и меня вдоль позвоночника прошивает дрожь, а щеки опалает жар стыда – так в упор я его разглядывал. Спешно отвожу глаза и догоняю Бьерна, который уже скрылся в инвентарной.

Сначала мы отрабатываем прием – я в первую очередь, за мной все остальные. После Бьерн отрабатывает мощнейшие подачи, Мадлен виртуозно раздает пасы у сетки, иногда скидывая мяч без атаки.

– Сыграем! – Эдегар хлопает в ладоши.

Мы встаем на позиции, я попадаю в команду с Видаром и Мадленом, а Сандре, Бьерн и Эрлен топчутся на другой стороне площадки. Первый мяч отправляет один из запасных, поэтому его довольно легко отразить. Я довожу его до Мадлена, тот изящным движением пасует его Видару. Тот разбегается для удара и выпрыгивает вместе с Бьерном, который ставит блок. Мало кому из нас – да и, честно признаться, из игроков других команд – удавалось пробить блок Бьерна, так высоко и крепко он его ставил. Но мяч, со звоном отлетевший от ладони Видара, легко пробивает защиту центрального блокирующего и ударяется о центр площадки, где его никто не готов был принять.

В зале на пару секунд повисает тишина. Я, как замороженный, а со мной и все остальные, смотрю на снаряд, и в чувство приводит только свисток Эдегара. Он жестом судьи указывает, что мяч должен вернуться на нашу площадку.

– Отличный удар, – хвалю я, пытаюсь улыбнуться, и у меня почти выходит искренне. – Правда, не помню тебя в «Хеймдалль Вакт».

– Я там не так долго играл. – Видар пожимает плечами и возвращает мне обезоруживающую улыбку. – Может, мы и не встречались на площадке в прошлом году.

Его ответ кажется совсем уж уклончивым, но я не спрашиваю дальше: меня окликивает Эдегар, поэтому просто подбираю мяч, который услужливо пнул в нашу сторону Сандре. На подачу встает Видар, и я уже точно знаю, что она долетит точно до цели. Он действительно профессионал, которого нам не хватало, и почему-то внутри рождается неприятное подозрение, что о Фьере сейчас наверняка никто не вспоминает.

Видар будто читает наши мысли во время игры, будто заранее предчувствует, куда полетит мяч, и Эдегар называет это природной игровой интуицией. Многим из нас ее не хватает, у нас приемы и подачи – отточенные тренировками навыки, а Видар как будто чувствует процесс изнутри. Из-за неожиданной слаженности тренировка проходит слишком хорошо, настолько, что Эдегар долго хвалит нас, прежде чем отпустить, а у нас поднимается боевой дух. Даже Мадлен уже не выглядит таким обескураженным перед предстоящей игрой – наоборот, увлеченно строчит что-то телефоне. Наверняка новый пост.

– Добро пожаловать в команду! – радостно приветствует Видара Сандре и протягивает ему руку. – Сандре Йенсен, капитан.

– Знаю, наслышан о вас... – Видар мягко улыбается, пожимая широкую ладонь капитана. – Я обо всех немного знаю. Мадлен Магнуссон, один из лучших пасующих – тебя хотели забрать «Хеймдалль Вакт» в прошлом году. Бьерн Кристенсен, о твоём блоке легенды ходят.

Эрлен Сатре, если не ошибаюсь, мы с тобой еще не встречались на поле, но я рад играть за одну команду. И Вильгельм Лайне. Лучший либеро позапрошлого сезона.

Я не вижу, но у меня наверняка начинают гореть кончики ушей. Лучшим либеро я был еще при Юстасе, и неизвестно, стал ли бы им без него.

– Жаль, не удалось познакомиться с Фьером, – в его голосе искреннее сожаление. Мы все заходим в прохладную раздевалку – январский морозец залетел через приоткрытую форточку и остудил кафель.

Мы выделяем ему шкафчик рядом с нами, между Бьерном и Сандре. Вещей при Видаре немного – один рюкзак, который он забирает из дальнего угла. Должно быть, поставил его туда, не зная, какой шкафчик может занять. Он оставляет наколенники, кроссовки, формы у него пока нет, но это временно – к матчу наверняка должны пошить.

Я хочу заговорить о Юстасе. О том, что нам нужно его навестить. Любая мысль о бывшем капитане, даже спустя чертов год, вызывает беспокойство и неприятную дрожь внутри. Кончики пальцев покалывает, я тяжело вздыхаю и присаживаюсь на скамейку.

Бьерн косится на меня, но не начинает диалог первым.

– Недавно была годовщина, вы помните... – начинаю я совсем издалека, но спина Мадлена уже напрягается. Не вижу его лица, но предвещаю выражение полного недовольства на нем. Прошел год, но я точно знаю, что француз до сих пор не отпустил обиды. – Вам не кажется, что нам нужно... съездить на кладбище?

– Почтить память этого ублюдка? – выплевывает Мадлен, не оборачиваясь. – Без меня.

– Но год прошел! – напирая я, понимаю, что звучу жалко – у каждого из команды есть повод отказать мне и не поехать на кладбище. Интересно, что самый весомый повод у меня, а я все равно с упорством последнего придурка тащусь туда. Зачем? Чтобы убедиться, что призрака больше нет? Чтобы попросить не донимать меня? Чтобы успокоить совесть, которая не прекращает меня терзать ни на день? Чего я, черт возьми, хочу?

– Давай сгоняем, – легко соглашается Бьерн. – Знаю, тебе это важно, но ты не хочешь один. Так бы сразу и сказал.

– Сандре уже едет, – признаюсь я. – Просто показалось, что вам это тоже может быть важно.

– Тебе показалось, – бросает Мадлен и первый скрывается в душевой, закинув махровое полотенце на плечо.

Видар молчит, переводя взгляд с меня на Мадлена, а потом и на остальных. Конечно, трагедия, случившаяся с Юстасом, облетела всю студенческую лигу, и он не мог не знать о том, что произошло. Но, несмотря на то что Видар наверняка хороший игрок, он все еще не часть «Наттенс Спилль», а значит, не стоило выносить ссоры за пределы нашей площадки.

– Я сгоняю с вами, – обещает Бьерн, доставая и свое чистое полотенце, еще пахнущее каким-то цветочным кондиционером. – Только после матча. Не думаю, что Эдегар отпустит нас до него.

Гляжу на Эрлена, но тот неопределенно качает головой. От него, видимо, ждать поддержки тоже бессмысленно.

– Извините, ребят, у меня планы, – виновато тянет он.

Отвожу от него взгляд, пожав плечами.

– После матча будет отлично. – Я улыбаюсь уже Бьерну и тоже собираюсь в душ. Видар все еще сидит на скамейке. Он кажется отрешенным, но я кожей чувствую, что он слушает каждое наше слово.

Сет четвертый

«Я не боюсь „Полар Линкс“, – думаю я, пока бегу на пары перед игрой. Она только вечером, и мы принимаем их на нашей площадке, поэтому с утра все учатся. Сандре неохотно вывалился из комнаты, я тоже еле проснулся, но после кружки терпкого кофе без молока стал чуть бодрее. В последнее время стараюсь не прогуливать: все-таки учеба – первостепенное, о чем мне нужно думать. В следующем году будет выпускной курс, я получу степень бакалавра по филологии и забуду обо всем, что происходило в этих стенах. Мне грустно думать, что Эрлен выпускается уже в июне – у него последний год, а я только к нему привык.

Уже опаздывая, бегу по переходу из общежития в академию – за окном валит белый крупный снег, который кажется совсем плюшевым и теплым, как перья из подушки или поролон из разорванной мягкой игрушки. На ходу засматриваюсь, чуть не сворачиваю шею – благо в коридоре я один и мне не в кого врезаться. Свет с улицы такой яркий, что почти слепит, и хочется выбежать на улицу прямо без куртки, покружиться под снежинками, позволить морозу цапнуть за щеки и забежать обратно. Мне будто снова пять, я снова во дворе нашего дома, отец кружит меня под огромным раскидистым деревом, а мама зовет обедать. Я почти утопаю в теплых воспоминаниях, от которых щемит душу, но толком не успеваю поностальгировать – из мыслей вырывает оглушительная трель звонка.

Корю себя за то, что опять замечтался, и мчусь на пары, уже представляя, как неловко будет стучаться и проситься войти. Анализ художественного текста ведет преподаватель старой закалки с высокими требованиями – в «Норне» на самом деле большинство таких, пусть иногда и встречаются юные, с блеском в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.